

**ВОЕННЫЙ
АРХИВ**

Олег
ГОНЧАРЕНКО

ИЗГНАННАЯ АРМИЯ

Полвека военной
эмиграции.
1920–1970 гг.

Военный архив

Олег Гончаренко

**Изгнанная армия. Полвека
военной эмиграции. 1920–1970 гг.**

«ВЕЧЕ»

2012

Гончаренко О. Г.

Изгнанная армия. Полвека военной эмиграции. 1920–1970 гг. /
О. Г. Гончаренко — «ВЕЧЕ», 2012 — (Военный архив)

ISBN 978-5-9533-5866-8

Перед вами новая книга О.Г. Гончаренко, рассказывающая о нелегкой жизни солдат и офицеров Русской армии в вынужденной эмиграции в 1920–1970 гг. Автор, используя малоизвестные источники, подробно воссоздает быт и жизнь изгнанников в лагерях на турецкой земле и в странах рассеяния, рассказывает о процессе превращения Русской армии в Русский общевойсковой союз (РОВС), борьбе активной части эмиграции против спецслужб СССР. Особое внимание уделяется периоду Второй мировой войны и участию в ней чинов РОВС, а также судьбам этих людей после 1945 г. Книгу дополняет рассказ о политическом и духовном наследии офицерских союзов и воинских организаций. Книга издается в авторской редакции.

ISBN 978-5-9533-5866-8

© Гончаренко О. Г., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава первая. Российская гуманитарная катастрофа и возникновение эмиграции	12
1.1. Обзор общественных процессов, создавших предпосылки для массовой эмиграции в период 1917–1920 годов	12
1.2. Политическое противостояние в российском обществе и возникновение основных социальных групп потенциальных эмигрантов	15
1.3. Социально-психологические и политические мотивы массовой эмиграции из России в 1920-е годы	23
1.4. Закономерность выбора эмиграции как средства общественного протеста и сохранения политической и творческой свободы в изгнании	28
Глава вторая. Галлиполийский и балканский этап военной и политической эмиграции из России	29
2.1. Обстоятельства первого исхода населения и армии в условиях поражения Белого движения в Гражданской войне	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Олег Гончаренко

Изгнанная армия. Полвека военной эмиграции. 1920–1970 гг.

©Гончаренко О.Г., 2012

©ООО «Издательский дом «Вече», 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Мукою четырнадцати поколений научились мы духовно отстаиваться и в беде, и в смуте; в распадении не теряться; в страдании трезветь и молиться; в несчастии собирать силы; умудряться... творчески расти от поражения; жить в крайней скудности, незримо богатея духом; не иссякать в истощении, но возрождаться из пепла и на костях; все вновь начинать «ни с чего»; из ничего создавать значительное, прекрасное, великое... и быстро доводить жизнь до расцвета.

И.А. Ильин

Вместо предисловия

Массовая эмиграция из России в начале 1920-х годов прошлого века в течение двух последующих десятилетий оказала решающее влияние на весь ход развития европейской и даже мировой цивилизации за счет возникновения новых культурных интеллектуальных центров, где возникли новые научные школы и направления в искусстве и философии. Достижения видных представителей русской культуры и науки за границей легли в основу тотальной модернизации европейской и мировой жизни в период между двумя мировыми войнами. Участие в этих процессах русской эмиграции значительно ускорило их развитие, что помогло многим государствам не только удержаться в рамках традиционных путей развития, но и усовершенствовать собственные экономические модели и вывести науку на новый качественный уровень.

Русская военная эмиграция первой и второй волны стала хранителем не только важных для себя и будущего России национальных традиций, но и привнесла их наиболее важные составляющие в культурную жизнь стран пребывания, деятельно участвуя в развитии всех форм искусства. По своей практической значимости этот опыт интеллектуальной подпитки оказался непревзойденным в новейшей истории человечества.

Познание среды обитания, широты географического расселения и объема участия в мировых геополитических процессах русской военной эмиграции, понимание её идеологической и духовной основы является одной из актуальных познавательных задач современной военной истории. Открытие этих, еще мало исследованных страниц жизни русской военной эмиграции, позволит будущим исследователям объективно восполнить имеющиеся немногочисленные пробелы в современной военно-исторической науке, создав документальную базу материалов одинаково полезных как для деятельности российского военного ведомства, так и в работе тех государственных институтов, которые призваны популяризировать данный раздел отечественной истории. Цель данного труда как раз и состоит в том, чтобы отобразить основные вехи жизни русской армии за рубежом в рамках материалов, имеющихся в распоряжении автора на сегодняшний день. Необходимость выстраивания хронологической последовательности вызвана тем, что для создания последовательной линии исследования важно было указать основные моменты жизнедеятельности русской армии в изгнании, отобразив динамику и логику их развития.

В целом вопросы миссии русской военной эмиграции и её влияния на мировые гуманитарные и геополитические процессы нельзя считать достаточно разработанными в отечественной и зарубежной научной литературе. Таким образом, правильнее будет говорить лишь о характеристике научных публикаций по ряду обозначенных проблем. А именно, при анализе темы исследования возникла необходимость изучения особенностей деятельности военной эмиграции, специфика её участия в мировых политических процессах, так как сама по себе эта тема требует исследования в рамках работы по осмыслению феномена массовой эмиграции из России в 1920-х и середине 1940-х годов. Фундаментальных работ, посвященных этим вопросам, оказалось на сегодняшний день не так много.

Среди отечественных авторов, внесших несомненный вклад в данный раздел исторической науки, следует упомянуть монографию К.А. Залесского «Иностранные добровольцы в частях вермахта и СС», где дан подробный анализ участников национальных формирований в годы Второй мировой войны, в том числе, военных эмигрантов – выходцев из России. В работе представлены очерки о добровольцах – бывших гражданах СССР и эмигрантах первой волны, что в совокупности дает ключ к познанию мировоззрения, присущего значительной части русских в зарубежье тех лет. Именно эта часть людей представляла свое участие в войне против советской власти как борьбу за восстановление России в её исторических тра-

дициях, с использованием временных союзников – немцев. Исследование этого сложного для равнозначной оценки вопроса является особо важным и выделено автором в отдельную главу, поскольку с ним связано изменение многих методологических принципов оценки идеологии русской эмиграции и появление новой парадигмы осмысления исторических процессов в ходе мировой войны 1939–1945 годов.

В этом отношении знаковыми являются исследования Б. К. Ганусовского и В. Г. Науменко, полковника Б. И. Кузнецова, а также графа Н. Д. Толстого-Милославского, посвященные завершающему этапу противостояния старой эмиграции и советской системы по окончании войны. Эти события более известны в историографии как череда массовых выдач казачества, эмигрантов и бывших советских граждан в период с 1945 по 1947 год британскими и американскими союзниками советской правительственной комиссии генерала Ф. И. Голикова¹.

Неофициальная позиция советской стороны в отношении эмиграции достаточно емко представлена в воспоминаниях генерал-лейтенанта МГБ П. А. Судоплатова, всецело посвятившего себя борьбе с русской зарубежной политической эмиграцией в рамках поставленных ему задач ИНО НКВД² в 1930–1940-е годы. Анализ изменившихся характеристик деятельности военных и политических организаций русской эмиграции в послевоенный период в результате изменившихся мировых геополитических процессов дал М. В. Назаров в одном из разделов монографии «Вождю Третьего Рима»³.

Данная тема рассматривалась и зарубежными авторами, причем, что немаловажно, в преломлении к такому значительному пласту русской диаспоры, как дальневосточная эмиграция, такими, например, как П. П. Балакшин, Б. Б. Филимонов, И. И. Серебренников⁴.

Как известно, часть русской эмиграции, преимущественно военные, претерпели за ряд десятилетий вынужденного изгнания эволюцию взглядов на методы противостояния с идеологическим противником – коммунистами. Начиная с участия в вооруженной борьбе в 1920–1930-х годах, в любой точке мира, где идеи социализма вступали в конфликт с национальной идеологией и имманентным укладом жизни, с течением лет борьба военных эмигрантов приняла форму мировоззренческих соревнований, характерных для 1960–1970-х годов. Этот период можно условно назвать «войной литератур» и запоздалых попыток НТС из-за рубежа путем листовок и «книжек-обманок», нелегально ввозимых в страну, воздействовать на умы представителей советской общественности. Наиболее яркое отражение эти периоды нашли в исторических очерках и воспоминаниях самих участников⁵, а также сборниках, составленных чинами военных объединений, возникших в Европе в период Второй мировой войны для борьбы с большевизмом. К ним в первую очередь можно отнести фундаментальный труд есаула Д. П. Вертепова «Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг.», увидевший свет в издательстве «Наши вести» в Нью-Йорке в 1963 году.

Указанная литература помогла в целом составить основу авторской концепции монографии.

Отдельную группу материалов составляет мемуарное наследие военных и государственных деятелей, выехавших за рубеж в эмиграцию, представляющих собой правящую элиту Рос-

¹ Ганусовский Б. К., Науменко В. Г. Сборник «Великое предательство». СПб.: Нева, 2003; Кузнецов Б. М. В угоду Сталину. Нью-Йорк, 1993, 2-е издание; Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. М.: Русский путь, 1995.

² Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. М.: ТОО «Гей», 1996.

³ Назаров М. В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004.

⁴ Балакшин П. П. Финал в Китае. Книга первая. Мюнхен, 1956; Филимонов Б. Б. Конец Белого Приморья. Вашингтон: изд. В. Камкина, 1971; Серебренников И. И. Великий отход. Рассеяние по Азии белых русских армий 1919–1923 гг. Харбин: изд. М. В. Зайцева, 1936.

⁵ Берестовский В. В. Русский отряд в албанской армии. История похода Дибра – Тирана 10–26 декабря 1924 года в сборнике «Русская армия в изгнании» М.: Центрполиграф, 2003; Яремчук 2-й А. П. Русские добровольцы в Испании. Сан-Франциско: Globus Publications, 1982, и др.

сийской империи, в руках которой находилось управление огромной и могущественной страной. В самостоятельные подгруппы выделяются записки русских военачальников и высших офицеров императорской армии, а также воспоминания лиц из числа православного духовенства, позволяющие рассматривать историю эмиграции во всем её многообразии, а также эволюцию роли и значения этих социальных групп за границей. Важное место в числе источников занимают неопубликованные рукописные мемуары, дневники и письма, освещающие общественную жизнь русской эмиграции в период Второй мировой войны. Основной массив документального материала по истории эмиграции составляют записанные рассказы со слов участников и очевидцев событий – эмигрантов, проживавших в разных странах и пересылавших свои записки для опубликования в периодических заграничных изданиях. Особенно ценные сведения по жизни военной эмиграции содержатся в журналах «Военная быль», издаваемых в Париже лейтенантом императорского флота А. А. Герингом на протяжении двадцати лет. К схожим источникам можно отнести и «Морские записки», выходившие в Нью-Йорке в течение почти четверти века под редакцией старшего лейтенанта российского флота барона Г. А. Таубе. Журнал «Часовой», под многолетней редакцией капитана В. В. Орехова и «Родимый край», собравший под своей обложкой замечательных казачьих авторов Н. Евсеева и Н. Туроверова, содержат важные сведения из жизни военного и казачьего сословий. Кроме того, очень информативны газеты «Русский инвалид», альманахи «Армия и Флот», и ряд повременных изданий полковых объединений императорской гвардии и армии. Существенным дополнением к вышеуказанным материалам являются публикации эмигрантских авторов, осуществленные в сборниках «Архивы русской эмиграции» (т. I–V), изданные в 1972–1974 годах калифорнийским издательством Faculty Press в пору наивысшей, естественной убыли эмигрантов первой волны. Эти свидетельства во многом дополняют общую картину истории русской эмиграции обилием дополнительных частных фактов. Отдельно стоят выпущенные примерно в этот же период книги личных воспоминаний частных лиц, к которым можно отнести воспоминания В. Верещагина, Г. В. Месняева, судового доктора Русской эскадры в Бизерте Н. Н. Кнорринга, генерал-майора М. Г. Георгиевича, генерал-майора В. Н. фон Дрейера, князя П. П. Ищеева и многих других. Хороший материал для детального анализа представляют собой полковые издания различных объединений частей императорской гвардии, содержащие массив биографических данных русского офицерского корпуса в изгнании, и являющиеся летописным сводом жизни отечественного офицерства на чужбине. Среди прочих особую ценность представляет «История Лейб-гвардии Конного полка» под редакцией полковника В. Ф. Козлянинова и герцога Лейхтербергского, а позже Вуича и Тучкова, сборник воспоминаний «Драгуны дома и на войне». На роль полноценного научного исследования могут претендовать труды «Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну» В. Н. Звегинцова и «Лейб-гвардии Казачий полк в революцию и Гражданскую войну» генерал-майора И. Н. Оприца. Существенные детали о повседневной жизни эмиграции содержат и прозаические произведения представителей русской эмиграции, среди которых наиболее информативен Ю. Галич (генерал-майор Г. И. Гончаренко), а наиболее пространны по широте изображения внутренних общественных процессов генерал от кавалерии П. Н. Краснов и Н. Белогорский (генерал-майор Н. В. Шинкаренко). Отдельную группу источников образуют памятные выпуски бывших императорских учреждений, ведомств и заведений, а также частей и подразделений, сформированных русской эмиграцией в годы Второй мировой войны. К ним относятся памятные книжки лицеистов, слушательниц Бестужевских курсов, учащихся Училища правоведения, Донского Мариинского института, Николаевского кавалерийского училища, Елисаветградского кавалерийского училища, Виленского и Павловского пехотного училищ, Хабаровского графа Муравьева-Амурского и Полоцкого кадетского корпуса, Русских кадетских корпусов за границей. Среди прочих наиболее информационно насыщены работы Объединения ижевцев и воткинцев, чинов

Конвоя Его Величества, Корниловского ударного полка, Марковцев, и в том числе марковцев-артиллеристов, Дроздовцев и Русского корпуса на Балканах.

Представляя источники, принадлежащие к разным обозначенным выше группам, можно охарактеризовать их следующим образом.

При написании глав, посвященным двум первым исходам русской военной эмиграции и беженцев в период 1920–1922 годов, огромное значение имели документы, объединенные в многотомной серии «Россия забытая и неизвестная». Тома выходили в виде тематических сборников, посвященных этапам перемещения русской армии из Крыма в Галлиполи, на греческий остров Лемнос и в тунисский порт Бизерту, а также личные воспоминания участников исходов, опубликованные в 1960—1980-х годах в рамках полковых историй Марковских, Дроздовских, Корниловских и гвардейских полков⁶ в изгнании. Это ценнейший источник, в котором через призму индивидуального восприятия событий воссоздается мозаичная история великого исхода.

В этих источниках представлены материалы, которые позволяют оценить точки зрения разных сторон – от консервативно-монархической части эмиграции до либеральной и откровенно «левой». В них включены как мемуарные фрагменты, так и краткие исторические очерки, позволяющие детально последить периоды сосредоточения русских войск и беженцев в трех основных центрах – в Турции, в Югославии и в Болгарии. Все это позволяет сделать вывод о неоднородности идеологии эмиграции ещё в самом начале исхода.

В ходе подготовки главы о пребывании русской армии в странах Юго-Восточной Европы и на севере Африканского континента, а также становлении духовной основы эмиграции, определяемой Российской православной церковью за границей, помимо мемуарных и публицистических источников использовались и биографические материалы российского Первоиерарха Тихона и архипастырей в зарубежье. Используемые материалы позволили раскрыть неоднозначность положения церкви в СССР и отсутствие её влияния на представителей эмиграции. В ряде исследований, впервые опубликованных в РФ в наше время⁷, содержится информация, характеризующая нарастающее противостояние между эмигрантскими организациями и советской политической разведкой, объясняющее усиление борьбы за сферы влияния в эмигрантских средах.

Исторические сведения, еще не опубликованные в современной России⁸, использованные в качестве источников для написания второй и третьей глав, содержат подборку материалов о жизни эмиграции, были впервые введены автором в научный оборот. Одним из главных информационных источников по тематике четвертой и пятой глав является сборник о русских военно-учебных заведениях в Юго-Восточной Европе в период, предшествующий началу Второй мировой войны, под общим названием «Кадетские корпуса рубежом 1920–1945». Это издание, увидевшее свет в Нью-Йорке под редакцией А. М. Росселевича в 1970 году, даёт возможность читателю проследить пути построения системы подготовки военных кадров для России будущего, так и не оказавшихся востребованными в прошлом столетии. В сборнике в хронологическом порядке отмечены вехи воссоздания и работы кадетских корпусов, относящиеся к периоду пребывания русской эмиграции на Балканах в течение почти четверти века.

⁶ Левитов М.В. Материалы к истории Корниловского ударного полка 1917–1974. Париж, 1974; Павлов В. Е., подполковник. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 гг. Париж, 1964; Розеншильд-Паулин В.А. В сборнике «Кирасиры Его Величества». Париж: изд. «Возрождение», 1944; Даватиц В. Х. Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. 2-е издание. Нью-Йорк, 1985 и др.

⁷ Прянишников Б. В. Незримая паутина. ОГПУ – НКВД против Белой эмиграции. М.: Яуза, 2004.

⁸ Убийство Войкова и дело Бориса Коверды. Июнь 1927 года // Перевод с польского с дополнениями. Париж: Возрождение, 1927; Геринг А. А. Материалы к Библиографии Русской военной печати за рубежом. Париж, 1968; Соллогуб А. А., граф. Русская православная церковь за границей 1918–1968. Нью-Йорк: изд. Русской Духовной миссии, 1968.

Помимо этого автором использованы воспоминания русского армейского и флотского офицерства, опубликованные в разные годы в эмигрантских и повременных изданиях, позволившие приоткрыть завесу над сравнительно мало изученной темой участия русских в Чакской войне 1936–1939 годов между Парагваем и Боливией. Не менее важным документальным источником стали выходившие в течение двадцати лет в Нью-Йорке «Морские записки», издаваемые Обществом российских морских офицеров в Америке. В них наряду с исследованиями по морской тематике публиковались очерки из жизни русской морской эмиграции, участия её представителей в испанской Гражданской войне (1936–1939), а также в воинских формированиях периода Второй мировой войны (1939–1945).

Аналитический характер многих статей старейших эмигрантских журналов «Часовой» и «Военная Быль», задействованных автором в ходе написания пятой главы, отражает тенденцию, характерную для взглядов консервативной части эмиграции на предвоенные политические события в мире и в Европе. В периодике тех лет представлены пространственные характеристики лидеров европейских держав, дана оценка их политической деятельности на текущем историческом этапе. Помимо этого в помещенных статьях рассматривается роль русской эмиграции⁹ в неизбежном столкновении коммунистической и национал-социалистской политических систем. В последнее предвоенное десятилетие темы многих статей русских журналов были посвящены вопросам намечающегося выбора эмиграцией своего места и роли в беспрестанно происходящих столкновениях левой и правой идеологий, включая локальные войны и вооруженные конфликты, имевшие место в это период.

Большой блок источников, используемый в монографии, представляет собой эмигрантская публицистика. Первостепенное информационное значение имеют работы признанных деятелей русской эмиграции¹⁰, получивших широкое признание своих историософских трудов по осмыслению миссии российских изгнанников в мировом историческом процессе. Авторские комментарии к ряду работ позволяют выявить менее официальный спектр оценок, которые в какой-то степени сами по себе могут отражать их личное мнение в отношении событий описываемого периода времени. Кроме того, фундаментом аналитической части работы служат и справочные источники. Это, как правило, официальные эмигрантские издания и отчеты соответствующих комиссий о численности русских общественных и полковых объединений, а также их филиалов в других странах мира. В частности, выпуски «Вестник гвардейского объединения» использовались автором для анализа параметров и масштабов военных союзов, а также количества их участников, служивших в определенных частях императорской гвардии, на момент опубликования списков, структурированных по этому признаку в соответствующие подгруппы. Этот метод в полной мере можно отнести и к работе над материалами «Памятной книжки лицеиста», позволяющими составить количественный, хронологический, профессиональный и именной перечень выпускников Лицея за последние сто лет (по состоянию на 19 октября 1937 года), включая здравствующих и рассеянных по странам мира.

Для характеристики деятельности выпускников привилегированных учебных заведений императорской России за рубежом автором были использованы материалы, опубликованные до 1975 года в США и Франции общественными объединениями Бестужевских научных курсов и Мариинского Донского института.¹¹

Биографические данные о знаковой фигуре в среде эмиграции – генерале А. П. Кутепове и периоде руководства им Российским общевойсковым союзом в Париже проанализированы на

⁹ «Часовой», № 199. IX год издания. 5 ноября 1937 г.

¹⁰ Карташов А. В., проф. Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956; Лампе фон А. А. Пути верных. Париж, 1960; Ицеев П. П., князь. Осколки прошлого. Нью-Йорк, 1960.

¹¹ Мариинский Донской Институт. Издание Объединения бывших воспитанниц МДИ за рубежом. Нью-Йорк, 1975; Наша дань Бестужевским курсам. Воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Издание Объединения бывших бестужевок за рубежом. Париж, 1971.

основании статей, содержащихся в сборниках, опубликованных в качестве первых биографических опытов парижским издательством «Возрождение» в 1930-е годы¹².

Критический анализ деятельности руководства первого военного союза за рубежом (РОВС) в период 1920–1924 годов, содержится в ряде работ исследователей леволиберального толка, опубликованных в периодических изданиях исследуемого отрезка времени. Осмысление деятельности полувоенных и воинских организаций в эмиграции оппонентами генерала Кутепова приходится на первую половину 1920-х годов¹³. основополагающим источником являются письма эмигрантов, помещенные в периодических изданиях и посвященные основным вехам в жизни русского зарубежья. Часть опубликованных писем касается роли «бывших советских» граждан, перебравшихся на Запад, отношения с которыми у эмиграции «первой волны» оказались весьма натянутыми в силу ряда объективных причин, включая право на определение миссии русской эмиграции. В этой связи научный интерес представляют открытые письма казаков в парижском журнале «Родимый край», где, например, в начале 1960-х годов развернулась полемика о деятельности бывшего советского гражданина Доманова в качестве походного атамана в последний период Второй мировой войны¹⁴.

К мемуарным источникам, позволившим автору дополнять общие характеристики эпохи важными деталями, стоит отнести, воспоминания генерала В. К. Витковского¹⁵, князя М. Д. Каратеева (Карачаевского)¹⁶, Н. Н. Краснова¹⁷ и Ю. И. Макарова,¹⁸ дающие исчерпывающую картину не только осмысления миссии русской эмиграции, но и персонифицирующие собой целую эпоху Русского зарубежья. Значимость указанных источников состоит, прежде всего, в том, что они помогли выявить этапы деятельности эмиграции, определить её политических стиль, имманентный для подавляющего большинства представителей «первой волны», и выстроить модель взаимоотношений эмигрантских организаций с советской системой.

¹² *Сталь фон Гольштейн А. И., барон.* В сборнике «Генерал Кутепов» // Под ред. поручика М. Критского. Париж, 1933; *Трубецкой С. Г., князь.* Генерал Кутепов как общественный деятель. В сборнике «Генерал А. П. Кутепов». Париж, 1933.

¹³ *Федоров Г.* Путешествие без сантиментов. Сборник «Константинополь–Галлиполи». М. 2003; *Чебышев Н. Н.* Близкая Даль. Сборник «Константинополь – Галлиполи». М.: изд. РГГУ, 2003; *Достовалов Е.И.* Записки. Сборник «Константинополь – Галлиполи». М., изд. РГГУ, 2003.

¹⁴ *Астахов И., Аверкиев А. и др.* К сведению казачьей общественности. «Родимый край» за июль – август 1962 года. Париж; Письмо под псевдонимом. «Новый офицер» в № 41 (июль – август 1963 г.). «Родимый край», Париж.

¹⁵ *Витковский В.К.* В борьбе за Россию. Сан-Франциско, 1963.

¹⁶ *Каратеев М. Д., князь.* Белогвардейцы на Балканах. Буэнос-Айрес, 1977.

¹⁷ *Краснов Н. Н.* Незабываемое 1945–1956. Нью-Йорк: изд. «Книжный магазин» Р. М. Васильева, 1957.

¹⁸ *Макаров Ю.И.* Моя служба в Старой гвардии 1905–1917. «Мирное время и война». Буэнос-Айрес, 1951.

Глава первая. Российская гуманитарная катастрофа и возникновение эмиграции

*Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.
Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны.*

Георгий Иванов

1.1. Обзор общественных процессов, создавших предпосылки для массовой эмиграции в период 1917–1920 годов

В феврале 1917 года Россия оказалась не только на переломе своей великой исторической судьбы, но и, как показало время, встала перед выбором будущего. Путь нейтралитета, избранный народом в февральские дни, почти на три четверти века определил судьбу государства и вызвал бурю невероятных внутренних потрясений, по существу, разломив общество на несколько противоборствующих политических сил. Часть народа, выступавшая военными средствами за сохранение державных позиций, покинула пределы государства после нескольких лет ожесточенной борьбы.

Мировая история XX века не знает ни одной иной страны, которая, как Россия, испытала бы на себе тяжелейшие последствия величайшего социального разлома, на фоне которого все прочие исторические события покажутся будущему историку свободной России малозначительными.

Поскольку вместе с самодержавным строем в стране стали стремительно разрушаться духовные и нравственные законы, века до этого определявшие не только линию поведения подданного императоров, но часто и его место в системе симфонического управления государством. Характер общественной жизни и условия, сформировавшие её, на протяжении долгих лет питали и давали творческую подпитку национальной культуре, научной мысли и тому особому образу государственного правления, где верховное лицо было подлинным «отцом народов».

Православная монархия в России, по образу и подобию Византии, была тем государственным строем, что расширял критерии своих «земных» задач за пределы исключительно «земных» интересов народонаселения, видя в каждом подданном бессмертное существо, созданное по образу и подобию Божию, предназначенное для спасения и вечной жизни в Царстве Божием. В этом случае эффективность государственных задач измерялись не столько экономическими показателями и политическими свободами, но и тем, насколько государство помогало собственному народу спастись для жизни вечной. В этой теории православного правления и заключался тот идеал государственности, облегчающий церкви служение по спасению человеческих душ. Эта модель государственного устройства еще со времен Византии представляла

собой симфоническое правление светской и церковной властей, вместе служащих единой идее различными средствами. В ней церковь боролась с внутренним злом в человеке, а государство защищало церковь и народ от разрушительного воздействия зла внешнего, персонифицированного противниками данной формы правления и исповедниками иных убеждений.

Высокое духовное предназначение к марту 1917 года было потеснено идеей «Великой России», предусматривавшей копирование опыта западных стран для создания экономически конкурентоспособного государства. В глазах приверженцев этой идеи она обладала несомненной привлекательностью за счет гипотетической возможности построения сильного государства, доминирующего среди стран мирового сообщества. Энергичные защитники её, начиная со времен П. А. Столыпина, не желали признавать очевидную многим истину, что бурное экономическое развитие страны по ряду причин неизбежно будет происходить в ущерб духовному развитию нации. Это не замедлило подтвердиться в ту пору, когда, приближаясь к пику материального благополучия общества накануне Великой войны 1914–1918 годов, Россия стала всё чаще обнаруживать явные признаки духовного упадка, проявившегося, и, прежде всего, в легкомысленном отношении правящих классов и дворянства к религиозному смыслу самодержавия, как к отжившей условности.

Навязчивая идея русской интеллигенции начала XX века стать неотъемлемой частью «цивилизованной» Европы, быть признанной ею и сподобиться её сомнительной похвалы постепенно подвели страну к последней черте духовного упадка. И даже насущный вопрос о единстве народа в период Великой войны и соборном преодолении военных трудностей уже во второй половине 1915 года утратил в народе своё значение. Либеральные политики поспешили объявить в прессе, что «народ устал». Впрочем, «...русского народа не стало, – утверждал профессор Иван Александрович Ильин. – Это бессвязные толпы, мятущиеся, ненавидящие друг друга, охваченные каким-то наваждением». «...Волевое невежество свергло безвольную интеллигенцию: трезвый хам сверг мечтательного барина, революционный невежда сбросил радикального теоретика...», – подводил печальные итоги февральской революции 1917 года Ильин. Часть подданных российского императора, еще недавно так жаждавшая перемен, неясно представляла себе, на что обрекала себя, поддавшись общей истерии сокрушения духовных устоев жизни, а власть в государстве тем временем воровато подобрала государственные преступники и международные проходимцы, волею судеб вынесенные мутным потоком русской революции на поверхность общероссийской жизни. Не с ними ли должен был примириться остальной народ, признав тем самым их право отныне бесконтрольно пользоваться узурпированной властью? «По делам их узнаете их», – гласит известная евангельская истина, и в значительной мере она предопределила отношение к установлению новой власти в октябре 1917 года нравственно здоровой части российского общества, чинов его флота и армии, не пожелавшей становиться безропотным материалом для готовившихся социальных экспериментов. Своевременное признание собственных заблуждений и общенациональная сплоченность, верность историческому пути и здравствующему ещё тогда монарху могли бы изменить ход истории, но вместо этого разгорелось пламя невиданной доселе общественной смуты. Бывший министр исповеданий Временного правительства профессор Антон Карташов признавался читателям спустя почти полвека: «Потеряв Русь национально-государственную, православную, по грехам нашим, по слепоте и небрежению, мы жестоко наказаны за наш пассивизм, за неорганизованность, за непредусмотрительность, за незащищенность»¹⁹. Ему вторил другой соотечественник, человек монархических взглядов, участник неудачного покушения в эмиграции на либерала П. Н. Милюкова, поручик Георгий Ишевский: «В мгновение ока была сметена монархия, сметены три века национальной чести России. К власти тянулись кровавые руки каторжан, уголовных преступников, воров, интернациональных авантюристов, будущих цареубийц. Каины

¹⁹ Карташов А. В., проф. Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956. С.7.

совершили каиново дело: уничтожили церковь Христову, армию, семью, честь и понятие о Родине, заменив прекрасное слово “РОССИЯ” похабными буквами Р.С.Ф.С.Р.»²⁰.

Спустя всего десять лет после октябрьского переворота причину неожиданной лёгкости произошедшего объяснил соотечественникам в изгнании молодой ветеран Гражданской войны Иван Савин. «...Мы всю жизнь свою ныли. Смешно сказать: пережарит ли кухарка жаркое, падут ли 0,003 акции какого-либо банка, случайно купленные и полузабытые, суше, чем обычно, поздоровается Она, – мы неизменно ворчали: “Ну и жизнь! Вот, кто-нибудь перевернул бы её верх дном!” Теперь её перевернули. Кажется, надолго.... И только теперь... мы поняли, наконец, что “ну и жизнь!” – была настоящей жизнью... Революцию подготовили и сделали мы. Революцию подготовили и сделали кавалеры ордена Святой Анны третьей степени, мечтавшие о второй, студенты первого курса, завидовавшие третьекурсникам, и наоборот: штабс-капитаны до глубины души, оскорбленные тем, что Петр Петрович уже капитан... учителя математики, презиравшие математику и всем сердцем любившие что-нибудь другое, судебные следователи, страстно мечтавшие быть послезавтра прокурорами...»²¹

К этому можно добавить лишь обобщение профессора Ильина, рисующего социальную составляющую ниспровергателей самодержавного строя: «...Неустроившиеся семинаристы, недоучившиеся студенты, писаря, фельдшера, школьные учителя, фармацевты, приказчики, конторщики, почтальоны, “квалифицированные” рабочие и всевозможный “третий элемент” (пресловутые земские статистики из политических ссыльных). Из них-то и вербовался основной кадр коммунистов – всех этих “кожаных” комиссаров, револьверных комендантов и одержимых “товарищей”».

²⁰ *Ишевский Г. П., поручик. Честь.* Мюнхен: издание Общекадетского объединения, 1957. С. 302.

²¹ *Савин И.И.* Моему внуку. В сборнике «Только одна жизнь 1922–1927» // Под редакцией Людмилы Савиной-Сулимовской. Нью-Йорк, 1988. С.129.

1.2. Политическое противостояние в российском обществе и возникновение основных социальных групп потенциальных эмигрантов

В мартовские дни 1917 года часть русских крестьян, вдохновляемых либеральной интеллигенцией на сокрушение устоев, в предчувствии грядущего общероссийского хаоса учинила в разных губерниях такие бунты, «бессмысленные и беспощадные», против законных землевладельцев-помещиков, что по степени жестокости многие из них превзошли все иные, случавшиеся в России доселе. Дух «пугачёвщины» снова носился над пылающими усадьбами России 1917 года. Не отставали от крестьянства и «просвещенные» классы. Представители русской интеллигенции, сея в обществе семена недоверия и враждебности к самодержавию, армии и флоту, его естественным защитникам и охранителям, пускались во все тяжкие, где устно, где печатно, натравливая солдат и матросов на офицеров, генералов и адмиралов в армии и на флоте. Впрочем, и иные генералы из числа разночинцев, быстро перестроившись в «друзей народа», спешили делать громкие заявления: «...ведите русскую жизнь к правде и свету под знаменем свободы (от чего свободы? – *Примеч. авт.*)! Но дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести войска в бой под нашими старыми боевыми знаменами, с которых – не бойтесь – стерто имя Самодержца, стерто прочно и в сердцах наших. Его больше нет (доклад делался за год до расстрела царской семьи 16 июля 1917 года. – *Примеч. авт.*), но есть Родина»²². Некоторые генералы, принадлежавшие к высшей военной среде, повели себя недостойно.

Русский публицист утверждал: «Одни еще до 2 марта (генерал Лукомский) сочиняли манифесты об отречении, другие (генерал-адъютант Алексеев) подсказывали ответы соратникам об отречении, а третьи (генерал Рузский) прямо употребили насилие... Старшие военачальники (генерал Брусилов) стали срывать с себя царские вензеля и топтать их ногами на глазах и в угоду черни; стали разъезжать (генерал Гутор) по фронту в грузовиках в обнимку с обозниками; стали пожимать руки солдатам-комитетчикам и перестали подавать руку офицерам»²³.

Часть интеллигенции и профессура не отставала от либеральных военных. Именно ей был преподан разлагающий пример бесцеремонного отношения к национальным духовным святыням, оправдывавшим разрушение известным утверждением героя Достоевского о том, что «теперь все позволено».

«Отмена» самодержавия нашла неожиданную поддержку в среде православных иерархов. Словно бы стремясь превзойти образовавшееся в России Временное правительство по части политических нововведений, 5 марта 1917 года. Синод распорядился, чтобы во всех церквях Петроградской епархии многолетие Царствующему Дому «отныне не провозглашалось». А всего за несколько дней до выпуска первого обращения – 6 марта 1917 года Митрополит одной из главных кафедр страны – Киевской – Владимир (Богоявленский) поспешил направить от своего имени по всем епархиям телеграммы с распоряжением о том, что «моления следует возносить за Богохранимую Державу Российскую и Благоверное Временное правительство Ея».

В церковных богослужебных книгах определениями Синода от 7 и 18 марта 1917 года предписывалось упразднение молитв о царской власти, и таким образом Дом Романовых в

²² Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Берлин, 1926. Т. II. С. 186.

²³ Кириенко И. К., генерал-майор. 1613 г. От чести и славы к подлости и позору февраля 1917 г. Воспоминания. Сан-Паулу, 1963.

сознании молящегося как бы «утрачивал» свои сакральные права. Это свидетельствует лишь о том, что и вторая составляющая симфонического правления в России поразительно скоро утратила монархические черты, перейдя на положение «республиканского» института.

А через год с небольшим в Петрограде прошли первые публичные лекции консультанта наркома юстиции Шпицберга. Из них потрясенная аудитория узнала, что правительством уже готовятся декреты о запрещении церковного причастия, как «колдовского акта»²⁴. Лектор озвучил планы об изъятии священных сосудов и готовящемся закрытии церквей, прямо объявляя духовенство «контрреволюционным». У всякого слушавшего Шпицберга не возникало сомнений в неизбежности готовящихся крупных гонений на церковь, ибо докладчика уже ни раз привлекали в качестве «специалиста по церковным вопросам» перед очередным антицерковным мероприятием.

Слушавшие и посещавшие лекции не протестовали: столь невероятным казались им «химические замыслы» большевиков на второй год их правления. Хотя еще в самом начале большевистской эры общей реакцией населения на произвол властей был поток «писем протеста», манифестации, забастовки на производстве и даже стихийное повстанческое движение в сельских местностях. В дальнейшем социальный протест принял радикальную форму в виде создания армии на добровольческих принципах, призванной восстановить в государстве порядок вещей. Можно с некоторой долей уверенности утверждать, что на всём протяжении Гражданской войны участниками антибольшевистской борьбы двигала скорее «идея высшего подвига», выражавшаяся в изгнании ложных социальных учений из пределов страны и проведения Учредительного собрания для определения дальнейшего исторического пути развития страны.

Великобритания и Франция – союзники бывшей императорской армии и её условных правопреемников – армий Белого лагеря делали все, чтобы не оказывать военную и финансовую помощь в объемах, которые бы позволили им победить своего противника. Возрождение былой экономической мощи России в случае победы военных над международными авантюристами, захватившими валявшуюся под ногами власть, пугало Запад, не желавший помочь будущему конкуренту в лице России, случись ей преодолеть тяготы смутного времени, а тем более восстановить монархический строй правления, ведущий к возрождению её былой мощи. Впрочем, до восстановления монархии и в случае победы над большевиками, было не так близко, ибо борцам с большевизмом не хватало единомыслия в собственных рядах. Вопросы будущего России, формы правления и даже текущие задачи стратегии и тактики неизбежно превращали соратников по борьбе с III Интернационалом в непримиримых оппонентов. Утраченное в партийных спорах и взаимных противодействиях драгоценное время в своё время привело Белую армию на Юге, да и во многих других частях страны к ситуациям, когда никакие, даже самые хорошо обученные, воинские части не могли справиться с непомерной задачей противостояния многократно превосходившему их в численности противнику. Пятимиллионная армия командарма Фрунзе не возникла в одночасье, а явилась плодом планомерной работы столь различных по убеждениям и политическим целям людей, умело сплоченных враждебной национальной России силой, понимавшей, что разногласия в частностях несущественны перед лицом основной цели.

Сказалось и системное финансирование военного проекта большевиков – ведь даже для содержания малочисленного вооруженного отряда, не говоря уже о регулярной армии, требуется хорошо налаженный приток средств. Разрушив государственное финансирование преж-

²⁴ Шпицберг Иван Анатольевич, бывший присяжный поверенный и специалист по бракоразводным делам, в первые годы нового режима прославился как циничный и злобный гонитель христианства. В комиссариате юстиции наблюдал за бракоразводными делами в Церкви, проводя партийную линию по разрушению ее канонических оснований (советские работники требовали, чтобы развод разрешался священноначалием по первому требованию одного из верующих супругов). В 1920-х годах И. А. Шпицберг был руководителем советского «научного общества «Атеист». – *Примеч. авт.*

ней армии, большевики получили щедрое финансирование первых отрядов Красной гвардии из иностранных источников, позволивших создать основу регулярной армии²⁵ и удерживать власть до той поры, пока с 1918 года их правительством не стали проводиться плановые мобилизации в стремительно растущие региональные армии для борьбы с белыми.

Свержение власти Временного правительства не означало одномоментной капитуляции всех государственных институтов и всенародной поддержки идей разрушения пусть и убогой республиканской государственности во имя мифического «счастья народов». В рядах сопротивления большевизму, без различия идеологий, часто оказались самые разные люди – опытные фронтовики и представители «военной молодежи», стремившиеся удержать Россию от окончательного впадения в хаос, когда многовековые национальные ценности и святыни оказывались «отмененными», а духовные ориентиры смещенными. Эта часть пассионарной военной молодежи – будущее интеллектуальное ядро эмиграции – составила из выпускников императорских военных учебных заведений. Волна репрессий распространилась на них с первых дней падения самодержавия, когда большевики пытались придать чинимому ими разгрому форму независимого общественного протеста, выражаемого несогласными с этими рассадниками политической «реакции». Свою деструктивную деятельность по развалу системы военного образования Временное правительство прикрывало необходимостью борьбы с «реакционностью военных», противостоящих повсеместному утверждению идеалов «свободы, равенства и братства», а большевики постарались её уничтожить, как оплот вооруженного сопротивления. Простая и незатейливая пропаганда последовательно, в феврале и в октябре 1917 года, возымела на общество своё действие. Эйфория обретенной свободы от общественных и личных обязательств по отношению к царствующему дому Романовых, общественным институтам империи в сознании народа была многократно усилена пропагандой «справедливости мировых социальных учений», к носителям которых причисляли себя большевики. Именно под лозунгами марксизма на расправу с «осколками старого мира» привлекались «широкие народные массы». В те дни, невзирая на неравные силы, военная молодежь достойно постояла за себя, оказав сопротивление «наэлектризованной» провокаторами толпе и беснующейся городской черни. В Москве и в Петрограде юнкера не сдавали стен своих учебных заведений в течение нескольких дней. Сценарий нападений на училища применялся один и тот же. Демагогические выкрики уличных агитаторов привлекали и собирали толпу, и затем вели её к воротам училищ, вдохновляя на прорыв внутрь зданий. Оказавшись там и пользуясь неготовностью юнкеров и кадет без колебаний стрелять по безоружным людям, толпа начинала грабеж имущества и убийства сопротивлявшихся офицеров или учащихся.

Во время осады и беспорядков, бушевавших в 1917 году в стенах училищных зданий, их начальство пыталось связаться со своим руководством, выяснить полномочия и получить распоряжения. Но по какой-то странной закономерности генералы либо отсутствовали на местах, либо отмалчивались, предоставляя директорам корпусов и начальникам юнкерских училищ действовать на своё усмотрение. Как вести себя, когда в учебном корпусе беснуется толпа, знали, увы, немногие... Случалось, что если кого из высших начальников и заставляли звонком врасплох, то последние старались отделаться туманными фразами или ни к чему не обязывающими советами. На призывы отдельных офицеров-воспитателей и юнкеров старших классов к своим убежденным седидам генералам выйти на улицы и защитить порядок в городе последние лишь отмалчивались. Стремление усмирить бунт черни, по утверждениям современников,

²⁵ Традиционно исследователями выделяются следующие источники финансирования русской революции: финансисты Уолл-стрит, частные пожертвования международных банкирских домов, а также так называемые «деньги германского Генерального штаба». И если поток средств из США выглядит логически обоснованным, то участие Германии в прямом масштабном финансировании политической оппозиции представляется маловероятным. В тяжелых экономических условиях истощившийся германский бюджет войны не предполагал наличия каких-то особо крупных средств у Генштаба, способных существенно повлиять на ход общественной жизни в России. – *Примеч. авт.*

оказалось особо сильным у всего старшего курса Константиновского артиллерийского училища, однако приказом начальника им было запрещено покидать пределы здания. Организованного сопротивления юных артиллеристов в те дни просто не получилось. Одно за другим военные училища слали бумаги в местный Военно-Революционный комитет, в которых объявляли о своей сдаче на милость победителей; некоторые юнкера разбежались, часто оставляя военную форму и стараясь на выходе из стен училища, придать себе наиболее «гражданский вид». Центром общегородского сопротивления Военно-Революционному комитету большевиков в Москве в ноябрьские дни 1917 года стал дом Александровского военного училища на Арбате. Именно в его стенах были сформированы первые отряды добровольцев, состоявшие из офицеров и юнкеров, солдат-ударников, студентов, гимназистов и реалистов старших классов, пришедших туда, чтобы постоять за державу. Тогда же самый многочисленный из отрядов и получил название Белой гвардии. Участие в боях против вооруженных отрядов Военно-Революционного комитета приняли в том числе юнкера и офицеры Алексеевского военного училища, 2-й школы прапорщиков и кадеты старших классов трех корпусов, чьи здания располагались в Лефортово. Полковник Лейб-гвардии Волынского полка Леонид Николаевич Трескин отдал приказ юнкерам занять и держать оборону в Лефортово, в здании Алексеевского военного училища, не допуская туда бандитов и распаленную жадой легкой поживы толпу. И лишь достоверно узнав о том, что противник подтягивает артиллерию, чтобы бить по зданию училища прямой наводкой, полковник Трескин отдал приказ юнкерам сложить оружие.

Но в целом московское сопротивление большевикам не угасало: начавшись в центре, оно постепенно охватывало всё новые районы города. Шла стрельба на Спиридоновке и на соседней с ней Малой Бронной, в близлежащем Гранатном переулке. Две силы противостояли друг другу: вооруженные рабочие с заводов Пресни и юнкера московских училищ. Прицельным огнём с крыш рабочие постепенно вытеснили юнкеров с этих улиц, не вполне удобных для долговременной обороны, на открытое пространство площади, к Никитским воротам. Затем перестрелка возобновилась возле здания кинотеатра «Унион», на пересечении Малой Никитской улицы и бульвара.

Примерно в это же время шёл бой и возле другого белого бастиона, находившегося неподалёку от Волхонки – казарм Александровского военного училища. Несколько лет тому назад московская вечерняя газета рассказала о случайно обнаруженном в здании тайнике, где с октября 1917 года оставались спрятанными некоторые личные вещи и оружие юнкеров. Звуки перестрелки доносились с Остоженки, Пречистенки и из Хамовников. Обыватели испуганно жались к стенам зданий. Городские улицы быстро обезлюдели, и жизнь города приостановилась.

После многочасовых, упорных боёв красногвардейцами был занят Брянский (Белорусский ныне) вокзал. Переправившись у Зарядья, они просочились в притихшее Замоскворечье. Положение дел изменила перешедшая к большевикам 1-я запасная артиллерийская бригада, предоставившая им для обстрела засевших на Тверской улице юнкеров свои орудия. В те дни удача лишь ненадолго улыбнулась оборонявшимся белогвардейцам, когда вечером 30 октября 1917 года был отбит Брянский вокзал. На него утром следующего дня прибыл с фронта «батальон смерти», присоединившийся к Белой гвардии и вместе с ней поведший успешное наступление на красногвардейцев, укрепившихся на всем протяжении Тверского бульвара. Красные дрогнули, откатываясь на Страстную площадь; небольшая часть их в это время отбивалась от атак белогвардейцев у стен Зачатьевского монастыря на Остоженке.

Еще спустя сутки юнкеров вытеснили с Пресни. Красногвардейцами оказались заняты Провиантские склады. Постепенно они вернули себе господствующее положение на Страстной (ныне Пушкинской) площади и даже перешли в контратаку. Алексеевское военное училище было окружено красными и неистовавшей толпой, призывавшей к убийству всех засевших там юнкеров. Солдаты-дезертиры Двинского полка приступом взяли Малый театр; люмпены

и городская чернь, подоспевшая из Сокольников, захватила почтамт. Артиллерийским огнем юнкеров вынудили отойти со Страстной площади, в то время как рабочие завода Михельсона перешли Москворецкий мост и закрепились на Москворецкой улице. В импровизированный штаб Белой гвардии пришло известие о том, что в Крутицких казармах сложили оружие юнкера. Затем прибежавшие юнкера сообщили, что видели белый флаг, выброшенный из окна Алексеевского училища. Борьба стихала, но не заканчивалась, и одной из причин все еще продолжающегося сопротивления стала изоляция юнкеров, окруженных в Кремле, не пожелавших сложить оружие и не ведавших о почти повсеместной победе красной гвардии. Ввиду нарастающего численного превосходства восставших бои в городе стали затихать. Часть белых защитников Москвы, сдавшихся под честное слово ВРК, была расстреляна на территории воинских казарм в Лефортово.

11 ноября 1917 года Священный собор Православной российской церкви отозвался полным скорби и гнева посланием к народу: «...В течение ряда дней русские пушки обстреливали величайшую святыню России – наш Кремль с древними его соборами, хранящими святыне чудотворные иконы, мощи св. угодников и древности российские. Пушечным снарядом пробита кровля дома Богородицы, нашего Успенского Собора, поврежден образ Св. Николая, сохранившийся на Никольских воротах и во время 1812 года, произведено разрушение в Чудовом монастыре, хранящем мощи Св. Митрополита Алексия. С ужасом взирает православный народ на совершившееся, с гневом и отвращением будут клеймить это злое дело потомки наши. ...Но чьими же руками совершено это ужасное деяние? Увы! Нашего русского воинства, того воинства, которое мы молитвенно чтим именованием христоролюбивого, которое еще недавно являло подвиги храбрости, смирения, благочестия. ...Вместо обещанного лжеучителями нового общественного строения – кровавая распря строителей, всего мира и братства народов – смешение языков и ожесточенная ненависть братьев. Люди, забывшие Бога, как голодные волки бросаются друг на друга. Происходит всеобщее затмение совести и разума. ... Давно уже... сердце народное отравляется учениями, ниспровергающими веру в Бога, насаждающими зависть, алчность, хищение чужого. На этой почве обещают они создание всеобщего счастья на земле... Но не может никакое земное царство держаться на безбожии: оно гибнет от внутренней распри и партийных раздоров. Посему и рушится Держава Российская от этого беснующегося безбожия. На наших глазах совершается праведный суд Божий над народом, утратившим святыню... Вместе с кремлевскими храмами начинает рушиться все мирское строение Державы Российской»²⁶.

Распад духовного уклада народа, позволивший равнодушно взирать на расстрел православных святынь, оказался столь скорым и необратимым, что вызвал потрясение даже у бывлых приверженцев либеральных ценностей и так называемых «демократических принципов» государственного управления. Долгое время эти господа тешили свою гордыню членством в тайных организациях и претендовали на монопольное обладание высшим знанием о путях оздоровления государственной жизни. В появлявшихся статьях не только литераторов, но и общественных деятелей того времени сквозь недоумение сквозила нота раздражения и обреченности. Дневники Зинаиды Гиппиус, Александра Блока, Марины Цветаевой и записки Михаила Осоргина сохранили на своих страницах опыт произошедшего с авторами «просветления» духа, «открывшихся глаз» на большевизм и его сторонников, на беспощадную власть толпы и предчувствие грядущего хаоса. Горьким сарказмом наполнены строки мемуаристов, повествующих о небывалом кризисе всей российской жизни, всех, кто мог сколь бы то ни было связно изложить свои переживания на бумаге – бывших высших чиновников империи, аристократов, великих князей, их морганатических жён и людей полусвета.

²⁶ Регельсон Лев. Трагедия русской церкви 1917–1945. Париж: YMCA-Press, 1977. С. 218.

За годы Гражданской войны и сразу после нее в ходе волны репрессий, связанных с изъятием церковных ценностей, погибли десятки тысяч духовных лиц. 19 января 1918 года на Всероссийском поместном соборе был избран Патриарх Московский и всея Руси Тихон. Ему принадлежит известное послание с провозглашением анафемы большевикам и призывом к сопротивлению им всего народа. Страстный, полный искреннего чувства патриарший призыв к противлению диктатуре был с сочувствием принят подавляющим большинством граждан России, вдохновив часть рабочих, военнослужащих, интеллигенции и крестьян на последующее сопротивление деструктивному режиму. И хотя отклик широких народных масс на призыв патриарха не стал единодушным, власть поняла опасность публичных обращений к народу духовного лидера и постаралась изолировать святейшего не только от собственных архиереев и клира, но и прихожан, поместив его под домашний арест в Донском монастыре в мае 1922 года. Во время своего заточения патриарх Тихон неоднократно подвергался допросам и шантажу приставленными к нему сотрудниками ВЧК, обещавших поддержку властей при его согласии сотрудничать с ними. Некоторые из чекистов, по заданию политического руководства страны, подступали к патриарху с требованиями публично признать советскую власть, часто угрожая святейшему новыми репрессиями против верного ему духовенства в случае неповиновения. Неизвестно, спас бы подобный компромисс патриарха многих духовных лиц от грядущих преследований властей, ведь заданная Лениным линия на борьбу с «черносотенным духовенством» не изменялась потом еще не одно десятилетие.

Противодействие народа власти большевиков началось спустя пару месяцев с их воцарения у власти. Уже в начале 1918 года в Петрограде и Москве в знак протеста против злоупотреблений властей предрежающих разразились забастовки служащих, врачей, учителей, инженеров транспорта и связи, чиновников бывших государственных министерств. В ответ на это советским правительством начала внедряться концепция «принудительного труда», особенно широко используемая им в «эпоху военного коммунизма», кстати, не имевшего конечной целью восстановление довоенного уровня экономики державы, как декларировалось. Конфискованные предприятия нуждались в средствах, необходимых для оплаты эксплуатационных расходов, включая заработную плату рабочих, однако существовавшая до октября 1917 года банковская система, рухнувшая после переворота практически моментально, унесла с собой не только средства учреждений, но и вклады населения и предприятий. Золото и драгоценные металлы, которые сразу же стала изымать у собственников советская власть, использовались лишь на «особые нужды» красных вождей, призванные обеспечить и продлить существование у власти, а в случае неудачи обеспечить безбедное существование за границей. В отсутствие схемы финансирования, сложившейся в России за долгое время, промышленные предприятия, национализированные новой властью, стали останавливаться один за другим. Это породило не только массовую безработицу, но и неизбежный скачок цен на промышленные товары; зарплата рабочим и служащим предприятий не выплачивалась, да и сами деньги стремительно обесценивались. В отсутствие у власти профессиональных кадров, желавших служить ей верой и правдой, объем производства в России в стратегических отраслях промышленности, стал неуклонно снижаться, составив к 1920 году всего лишь 20 % от показателей 1913 года. Развал и продажа советским правительством иностранным концессионерам частей национализированных предприятий, не спешащих налаживать в России собственное производство, со временем отразились в острой нехватке потребительских товаров на внутреннем российском рынке. Для крестьянства, по обыкновению везущего в город на продажу сельскохозяйственную продукцию в надежде приобрести промышленные товары, эта схема все более усложнялась, с каждым месяцем становясь всё менее рентабельной из-за высокой стоимости промышленных товаров в условиях нарастающего дефицита. Это привело к возникновению голода в городах, обусловленного нехваткой поставок продовольствия от сельскохозяйственных произ-

водителей, не желающих сдавать за предлагаемый ими властью бесценно дающиеся им «излишки» многотрудной деятельности.

Упорядочить товарообмен стало основным лозунгом общественного Движения рабочих уполномоченных, отстаивавшего права части населения, занятого в промышленном секторе. Оно быстро распространилось по российским городам, где так же, как и в столице, его сторонники объявляли забастовки и останавливали работу предприятий. Еще не прошло и года, как большевики взяли власть, а в разных частях России рабочие в борьбе за свои права от слов перешли к делу, взявшись за оружие.

В августе 1918 года в приволжских городках Ижевске и Воткинске рабочие свергли власть местного Совета и организовали «Ижевскую народную армию», численность которой со временем достигла 70 000 человек. В течение трех с лишним месяцев Ижевская народная армия вела успешные бои против правительственных частей. Лишь уступив напору превосходящих сил противника в 1921 году, «ижевцы» отступили на восток, увозя с собой имущество и семьи, дабы там присоединиться к остаткам бывшей Сибирской армии. Именно в ней «ижевцам» суждено было стать одной из самых действенных частей этой армии в ходе боев в Сибири и на Дальнем Востоке, вплоть до предпринятого ею спасительного перехода китайской границы в 1922 году, совершенного под натиском красных войск под командованием Василия Блюхера.

В 1919 году большевистская власть, обещавшая солдатам-крестьянам мирную жизнь еще два года назад, энергично призвала к участию в ширящейся Гражданской войне для защиты абстрактных «завоеваний революции». В подобных «завоеваниях», небывало ухудшивших рабочую, да и крестьянскую жизнь и поколебавших их многовековой уклад, они нуждались менее всего. Если крестьянина и не призывали в армию, то в качестве повинности ему предписывалось обеспечить фронт продовольствием. В ответ на призывы комиссаров к мобилизации или их действия по принудительной сдаче хлеба, в 20 губерниях Центральной России произошло 245 выступлений, официально зарегистрированных ВЧК.

В апреле 1918 года против советской власти восстала буквально поработанная и разоренная ей Область Войска Донского, а спустя восемь месяцев череда народных восстаний прокатилась по всему Поволжью. Правительство Ленина и Троцкого бросало войска для их подавления, но эти жестокие меры не оправдали себя. Стойкость повстанцев поражала даже их усмирителей. В начале 1921 года, когда исход Русской армии генерала Врангеля на Балканы еще не завершился и Гражданская война не была, безусловно, выиграна большевиками, крестьянские повстанцы в Сибири заняли Тобольск, Кокчетав, значительные части Челябинской, Омской и Тюменской губерний, осадив города Курган и Ишим. В Тамбовской губернии в описываемое время под руководством крестьянского вождя Антонова были созданы целых три крестьянских армии, общей численностью в 50 000 человек. В ту пору не было в России, пожалуй, ни одной губернии или даже уезда, где бы ни фиксировались стихийные случаи вооруженного сопротивления властям в ходе проводимой ими продразверстки.

В начале 1920-х годов на подавление крестьянских выступлений властью направлялись новые полководцы, прежде командовавшие не только регулярными частями Красной армии, решавшими оперативно-тактические задачи, но и карательными интернациональными бригадами, используемыми в большей степени для организации массовых казней. Части эти и по окончании Гражданской войны состояли по преимуществу из бывших пленных подданных Австро-Венгерской монархии – чехов и венгров, а также из хорошо оплачиваемых властью китайских наёмников, безразличных к судьбам российского населения, и печально «прославившихся» жестокими и беспощадными мерами усмирения.

В неравной борьбе с плохо вооруженными крестьянами командование красных частей пустило в ход все «новинки» военной техники, в том числе и еще доселе не использовавшееся против населения химическое оружие. Так, в ходе операции в Тамбовской губернии, Тухачевским был отдан приказ о проведении химической атаки на повстанцев. Приказ гласил: «Леса,

где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространилось по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось»²⁷. Для усиления психологического эффекта на повстанцев Тухачевский старался использовать все имевшиеся в его распоряжении технические средства, в том числе и аэропланы. На скрывавшихся в лесах повстанцев то и дело сыпались бомбы, их обстреливали из авиационных пулеметов. И по окончании войны Гражданской на территории России разгоралась уже другая «внутренняя война», шедшая следом за затихавшей Белой борьбой на дальневосточных рубежах России.

Война с крестьянами не была следствием недопонимания между властью и многочисленным в России «сельскохозяйственным сообществом», а являлась провокацией большевиков, направленной на выявление его лояльности, способности к сопротивлению, дабы оценить возможные сроки и темпы сокращения его экономической независимости. В планах интернационалистов у власти этот маневр осуществлялся в два этапа: постепенное доведение крестьян сначала до состояния нищеты объемом урожая и введением непомерных налогов на сельскохозяйственный труд, а затем, путём контроля над продажей средств для возделывания земли и промышленных товаров, превращение их в зависимую от центральной власти часть населения. Духовная основа – православная вера, служащая поддержкой и укреплением в моральной правоте сопротивления крестьян, искренне полагавших установившуюся власть «антихристовой», по замыслу большевиков, должна была ослабеть с утратой связи крестьянства и окормлявших его православных пастырей. Развенчание сакральной роли церкви, «отмена старорежимной морали», столь усиленно насаждаемой советской властью в деревне, были призваны заставить крестьянство отречься от своих духовных наставников, изображаемых властью, как исключительно паразитирующей на крестьянской «косности» прослойки.

²⁷ Назаров М.В. Вождю Третьего Рима. М.: Русская идея, 2004. С. 179.

1.3. Социально-психологические и политические мотивы массовой эмиграции из России в 1920-е годы

Борьба советской власти с оппозицией в лице двух наиболее значимых в России социальных групп постепенно увенчивалась новыми успехами. С течением времени некому было прийти на помощь восставшим крестьянам и бастовавшим рабочим. Русская армия генерала Врангеля, чью поддержку они так недооценили в ходе Гражданской войны, находилась уже далеко, и средств, необходимых для «весеннего похода», у нее не было.

На всей территории России год от года устанавливалась жесткая диктатура, не терпящая инакомыслия. По мере раскачивания маховика внутренних репрессий, последовавших после победы красных в Гражданской войне, советская власть позаботилась о придании максимальной законности системе гонений, основой для которой первоначально стала принятая в 1918 году первая «советская» конституция. В этом документе эпохи были поставлены вне закона и лишены политических прав все «нетрудящиеся классы и политические группы». Поражения в гражданских правах распространялись не только на определенную категорию лиц, но и на всех членов семьи представителя «нетрудящегося класса». Это в свою очередь обрекало их на лишение распределяемого большевиками продовольствия и, как следствие, на голодную смерть. В дополнение ко всему первая Советская конституция отменила понятие личной вины индивидуума, перенося ее на целые «социальные классы» и просто группы людей. Так, согласно конституции, вне закона оказались и те, кому «не посчастливилось» родиться в семье «трудящихся». Таким образом, под категорию «лишенцев» попали не только все служилые слои Российской империи, представители торговых и промышленных династий, но и клир Российской православной церкви.

Церковная жизнь России тех лет неотделима от жизни большинства населения страны. В дни испытаний, претерпеваемых народом, она и не могла быть иной. Ведь объединяющее духовное начало народа грозило массовым гражданским неповиновением новой власти. Выступления против неё с оружием в руках часто были откликом на призыв духовных авторитетов к сопротивлению богоборческим установлениям властей.

Вот почему уже в первый день объявленного в сентябре 1918 года «красного террора» в ответ на убийство Урицкого мученическую кончину приняли епископ Селенгинский Ефрем (Кузнецов) и председатель Русского монархического союза протоиерей Иоанн Восторгов. Это ему принадлежали обличительные слова о попустительстве народа уничтожению собственных духовных лидеров, и в частности митрополита Киевского Владимира (Богоявленского): «Народ наш совершил грех, – а грех требует искупления и покаяния. А для искупления преступлений народа и для побуждения его к покаянию всегда требуется жертва. А в жертву всегда избирается лучшее, а не худшее. Вот где тайна мученичества старца-митрополита»²⁸.

Массовые расстрелы, о которых сообщалось во всех советских газетах, прошли на Ходынском поле и в Петровском парке, где расстреляли не только епископа Ефрема, но и иерея о. Дмитрия Корнеева вместе со старостой Успенского собора Кремля Николаем Николаевичем Ремизовым. На жаргоне палачей расстрел цинично именовался «отправкой в Иркутск».

В те роковые сентябрьские дни по России прокатилась череда расправ, продолжив появление священиков эпохи, первыми из которых еще в 1917 году стали протоиерей о. Иоанн Кочуров, известный ранее как православный миссионер в Северной Америке, и иерей о. Петр Скупетров. Последний погиб, попытавшись воспрепятствовать проникновению крас-

²⁸ Регельсон Лев. Трагедия русской церкви 1917–1945. Париж: YMCA-Press, 1977. С. 42.

ногвардейцев в алтарь Александро-Невской лавры, куда ломились прибывшие большевики под предлогом конфискации «церковных ценностей».

Правда, и до объявления террора расправы над духовенством стали принимать систематическую форму. Летом 1918 года советскими активистами был утоплен с камнем на шее в реке епископ Тобольский и Сибирский Гермоген. В проповеди, обращенной к пастве, ставшей одновременно и его последним словом, Гермоген произнес: «Я никогда великое, святое дело учения Христа не положу к подножию той или иной политической партии. Я безбоязненно говорил святую правду бывшему самодержцу и не умолчу о ней перед самодержцами новыми. Знаю участь свою, но знаю также и то, что по скончании своей земной жизни предстану перед Страшным Престолом Судии живых и мертвых, и, когда буду вопрошаем Им, что скажу Ему?»²⁹ Участь архиерея разделила делегация прихожан, прибывшая в местный Совет с просьбой освободить архиерея.

Даже когда первая волна «красного террора» пошла на убыль, большевики продолжили истребление клира. 24 декабря 1918 года ими были умучены епископ Соликамский и викарий Пермский Феофан (Ильинский) и архиерей Пермский Андроник (Никольский), которого неоднократно опускали в прорубь на морозе, до полного оледенения. Самарский епископ Исидор (Колоколов) был посажен на кол, епископ Белгородский Никодим (Кононов) забит чернью до смерти железным прутком, после чего по приказу комиссара его тело красноармейцы стащили в выгребную яму. Подле неё была выставлена охрана из солдат, не позволявшая мирянам извлечь останки мученика и похоронить по православному обряду. Представители советской власти «на местах» проявили себя жестоко и с епископом Ревельским Платоном (Кульбушем). 14 января 1919 года они превратили этого архиерея в ледяной столб, поручив красноармейцам обливать связанного владыку водой до полного оледенения. А в городке Юрьев (Тарту) на территории «независимой» Эстонии, по инициативе местного Совета и губернского комиссара добровольными помощниками было зарублено топорами (!) 17 священников из православных приходов. Многочисленные свидетельства говорят о том, что перед тем как убить приговоренных, большевики по обыкновению глумились над беспомощными людьми, отрезая им уши, носы, и под исполнение оскорбительных для священного сана похабных припевок, пытались заставить плясать.

Помимо физического уничтожения православного клира Совет народных комиссаров не отказывал себе в удовольствии в шельмовании православных преданий и святынь, дав команду активистам местных Советов провести принародное поругание особо почитаемых святынь и святых мощей. Сделать это предполагалось для того, чтобы заронить зерно сомнения в их чудесные свойства и показать народу его «невежество», «проявлявшееся в поклонении обыкновенным костям». Об этих кампаниях коммунистических активистов история сохранила довольно свидетельств. Мощи изымали из мест захоронений и рак для уничтожения или передач в краеведческие и прочие музеи от археологии до атеизма включительно. Участь эта не миновала мощей святого благоверного князя Александра Невского, святителя Иосафа Белгородского, святителя Митрофана Воронежского, праведного Симеона Верхотурского, особо чтимого в Приуралье, и преподобного Сергия Радонежского. Голову преподобного Сергия всё же удалось спасти от поругания, и в течение длительного времени втайне от властей её сохранял один из сотрудников Комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры, граф Юрий Александрович Олсуфьев. Осквернение чувств верующих, начавшееся в годы Гражданской войны, продолжилось и в 1920-е годы, приняв форму шутовских процессов-маскарадов над «попами», нескончаемыми диспутами, «комсомольскими свадьбами» и «красными крестинами».

Распоряжением губернских советских начальников храмы охотно отдавались под складские нужды, клубы. Некоторые переоборудовали под магазины или общественные уборные.

²⁹ Регельсон Лев. Трагедия русской церкви 1917–1945. Париж: YMCA-Press, 1977. С. 47.

Некоторые храмы-склады просуществовали в СССР до конца 1980-х годов, пока дряхлеющая власть Советов не уступила их, разрушенные и оскверненные, православным общинам и нанятым ими реставраторам для восстановления.

Вместе с этим новая власть пыталась навязать населению свои «ценности», как и полагается антитезе божественного, вполне inferнального свойства. Происходило ли это только в Петрограде или Москве? Едва ли. Любой небольшой городок, в котором был хоть один храм, становился полигоном испытания чувств верующих и вызовом здравому смыслу. Пробным камнем стала установка местным Советом памятника Иуде Искарйоту в Свияжске в 1918 году. Незадолго до того в городе были замучены настоятель городского Успенского монастыря епископ Амвросий. Инициатива, спущенная в уездный город сверху, исходила от большевистского «интеллектуала» Льва Троцкого. Именно он распорядился установить в пяти городах России памятники Иуде, и даже лично приехал на открытие памятника в древний Свияжск, сопровождавшееся торжественной церемонией и парадом двух полков Красной армии и чинов команды собственного бронепоезда.

Особое место у новой власти занял особый вид деятельности, нацеленный на размывание значимости традиционных для большинства населения культурных ценностей. Большевики не скрывали, что создание ими очагов напряженности на всей широте бывшей империи в 1905–1917 годах делалось ими «для сокрушения продолжавшегося сопротивления реакционного русского народа». И многие этносы, населявшие некогда просторы страны от Хивы до Варшавы, во время Гражданской войны исподволь вовлекались большевиками в «борьбу за независимость», как «пострадавшие от русского царизма», и, как следствие, призывались в различные военизированные формирования для борьбы с «эксплуататорами» и притеснителями, персонифицировала которых Добровольческая армия. Образ врага-эксплуататора был тесно спаян большевистскими идеологами с национальной принадлежностью, и дело дошло до того, что по окончании Гражданской войны, в литературе и публицистике страны под запретом оказалось само слово «русский» для употребления в печати в положительном значении. Судя по большевистской прессе и выходившей в первой трети XX века периодике и литературе, этот запрет негласно действовал почти до начала 1930-х годов. А кроме этого на всем просторе бывшей империи территории советские топографы по указанию партийных идеологов занялись планомерной сменой названий городов, островов, проливов и земель. В картографических учреждениях в директивном порядке вносились исправления в издаваемые карты. Так старый прикаспийский городок Петровск-Порт, в пределах которого еще в 1722 году останавливался Петр Великий, во время знаменитого Персидского похода был переименован в Махачкалу, в память «социально близкого» большевикам дагестанца Магомед-Али Дахадаева, более известного в уголовных кругах дореволюционной России под кличкой Махач. Старая Обдорская крепость – торговый пункт на пути через Урал на Обь и далее на восток, основанная русскими первопроходцами еще в 1595 году и долгое время остававшаяся волостным центром под названием Обдорск, превратилась в Салехард. Городок Усть-Сысольск Вологодской губернии стал именоваться Сыктывкаром. Основанный в 1914 году и бывший некогда конечным пунктом Усинского тракта, возле слияния рек Большой и Малый Енисей, городок Белоцарск стали именовать Хем-Белдыром, а с 1926 года – Кызылом. Верхнеудинск превратился в Улан-Удэ. И в довершение всего, смена названий населенных пунктов часто включала в себя переименования по фамилиям большевистских лидеров. Вятка на время стала городом Троцком, Петроград – Ленинградом и т. п.

В начале 1921 года в высших учебных заведениях страны были повсеместно упразднены историко-филологические факультеты, как «рассадники реакционного мировоззрения» в прошлом. Из всех университетских и институтских библиотек согласно особому инструктивному письму, в составлении которого приняла деятельное участие супруга Ленина Надежда Крупская, изымались тома сочинений Достоевского, Максимова, Лескова, объявленных «чер-

носотенными авторами», к числу которых каким-то образом оказался причисленным даже античный Платон. Состав новых советских учебных заведений сильно отличался от прежней имперской школы и её системы преподавания. Еще в начале советской власти все учебные заведения России постепенно лишались финансирования. Их профессура объявлялась «реакционной» и изгонялась. Студенты, успевшие проучиться до октябрьского переворота, в покинутые ими в связи с войной учебные заведения в большинстве случаев в советское время назад не восстанавливались. Их ждали улица, аресты, и в лучшем случае – заключение в лагерь. Попытки протестовать или отстаивать собственные права жестоко подавлялись.

В ходе становления советской власти любое сопротивление установившемуся порядку вещей, а также творимым повсеместно кощунствам и святотатству, и попытки защитить пасырей карались расстрелом. Для увеличившегося числа расстрелов после 1918 года требовались все же постоянные помещения. В губернских городах под это отводились особые места за городом или помещения «особого назначения». Московским Советом под массовые расстрелы были отведены подвалы бывшей Военной коллегии и подвал в Варсонофьевском переулке, где разместились в 1930-е годы гаражи автобазы НКВД № 1. Расстрелы в том подвале начались уже с сентября 1918 года.

Террор в отношении сословий не остановил общенародного сопротивления власти. Карательные меры возымели действие лишь ненадолго, и на место одного убитого незамедлительно вставал его единомышленник и ученик, а на смену тому приходил другой.

Перед советской властью все отчетливее вставал вопрос об изобретении системного подхода к подавлению крамолы, изоляции политических противников и сочувствующих им лиц. Такой способ был найден, и в начале 1918 года по предложению Ленина в повседневную практику была введена такая форма общественных наказаний, как «концентрационный лагерь». Как и в годы Англо-бурской войны на юге Африканского континента, концлагерем стали заранее отведенные места, где первоначально содержались сотни и тысячи заложников, взятых ЧК в разное время. Содержавшиеся в лагерях люди были бесправны, лишены связи с внешним миром и подлежали расстрелу в случае необходимости. И хотя в распорядительных записках Ленин не давал конкретных рекомендаций по обхождению с заключенными, подразумевалось, что «ответственные товарищи» умели читать между строк. Председателем Совнаркома предлагалось действовать на своё усмотрение. Ленинские рекомендации незамысловаты: «Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». Рецепты противодействия политическим противникам просты: «Необходимо обезопасить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях».

Реализация его замыслов не замедлила сказаться. В древнем Соловецком монастыре возник один из самых известных северных лагерей, будущий С.Л.О.Н. (Соловецкий лагерь особого назначения). Туда в течение короткого времени были отправлены и умучены десятки архиереев и протоиереев православной церкви, сотни монахов, священников, а затем и множество мирян, партиями присылаемых на Соловецкие острова для «перевоспитания». Изощренные издевательства, пытки, физическое уничтожение тысяч людей придали самому слову – Соловки – зловещее звучание. Подробное описание жизни заключенных на Соловках, одним из которых являлся и он сам, дал Олег Васильевич Волков в своем труде «Погружение во тьму», опубликованном еще при советской власти в 1989 году.

Спустя четыре года после открытия лагеря, в 1927 году, там содержалось 12 896 человек более чем 48 национальностей, а к 1928 году число заключенных на Соловках возросло до 22 тысяч человек. На протяжении почти двух десятилетий, до 1939 года, сотни тысяч заключенных плотно заполняли помещения Соловецкого кремля и отдаленных скитов. Осужденные проживали в старых землянках, душных бараках и едва отапливаемых монастырских зданиях. Первыми на Соловки были сосланы политические противники большевиков – эсеры, меньше-

вики, анархисты. Крупные партийцы – социалисты-революционеры, меньшевики и бундовцы – туда не попадали, направляясь в строго замкнутый Суздальский изолятор. Среди заключенных попадались и чины белых армий, отставшие от эвакуации, вернувшиеся на родину, поверив обещаниям агитаторов в Галлиполи или на Лемносе или попавшие в плен, и с той поры кочевавшие из тюрьмы в тюрьму; направлялись туда и уголовники. Исследователи отмечали, что крупные воры и бандиты встречались на Соловках крайне редко. Поймать их было при существовавшей системе сыска нелегко, а пойманные «социально близкие» советской системе уголовники охотно принимались на службу в правоохранительные учреждения в качестве агентов, палачей, инспекторов и даже следователей. В начале 1930-х годов прошлого века на острова для «перековки» начали привозить раскулаченных крестьян, членов религиозных сект и советскую «творческую интеллигенцию». Известно, что в разное время в Соловецком лагере томились начальник Гидрометеорологического комитета А. Ф. Вангенгейм, выдающийся философ, математик, химик, иерей П. А. Флоренский. В списке заключенных можно отыскать имена историков В. П. Никольского, Н. П. Анциферова, В. В. Бахтина, М. О. Гордона. В заключении на Соловках в свое время оказались этнографы и краеведы Н. И. Виноградов, А. А. Евневич, П. К. Казаринов. А кроме них – советские поэты и писатели Б. Н. Ширяев, Л. М. Могиланский, В. Камецкий, О. В. Волков, художники О. Э. Браз, К. Н. Половцев, профессор Московской консерватории Н. Я. Выгодский, а также исследователь древнерусской литературы Д. С. Лихачев.

1.4. Закономерность выбора эмиграции как средства общественного протеста и сохранения политической и творческой свободы в изгнании

Заклучая в лагеря группы людей, объединенных по сословному или профессиональному признаку, советская власть стремилась достичь и другой важной для себя цели – подавить проявление воли населения к сопротивлению. Под влиянием тяжелейших условий лагерной жизни, труда и быта человек-личность все быстрее отдалялся в прошлое, а на место его приходила безликая «рабсила», послушный каторжник, перевоспитываемый гражданин «эпохи победившего социализма».

С людьми, выросшими в годы расцвета Империи, можно было совладать, лишь уничтожив или запугав их, но для нового поколения сограждан лучшим рецептом, с точки зрения идеологов советской системы, должно было стать историческое и культурное беспамятство. В самом деле, во имя чего и с кем им бороться, если новая власть со временем обеспечит все мыслимые блага земные, необходимые для удовольствия? Работа на новую власть и милостиво отпускаемые ей поощрения за труд должны были полностью вытеснить из сознания молодых граждан России иные формы правления и жизни, духовной и светской. Эксперимент этот удался лишь отчасти, чему примером может служить современное историческое беспамятство большинства населения и фантомное убеждение в преимуществах социалистического этапа жизни. Однако подобными заблуждениями даже после семидесяти с лишним лет правления коммунистов оказалась поражено сознание далеко не всей части народа. Ведь у сильных этносов всегда оставалась регенерирующая способность возрождать собственную культуру и усилиями новых поколений снова определять её роль и место в системе мировой цивилизации.

Гражданская война и сопротивление смуте только лишь отодвинули во времени сроки повсеместного воцарения большевиков, но не предотвратили его окончательно. Достойные люди Отечества в те годы отдали свои жизни, принеся тем самым искупительную жертву за легкомыслие прежних правителей державы, попустивших росткам утопических и ложных социальных учений сплестись в жесткий терновый венец для России. В результате беспрецедентной гуманитарной катастрофы значительная, но, увы, не самая большая часть представителей России, свыше полутора миллионов людей, ушли вместе с Русской армией генерала П. Н. Врангеля за границу. И потом, через два года еще отплывала с дальневосточной пристани Посьета с эскадрой адмирала Г. К. Старка, переходила российско-китайскую границу с семеновскими частями, ижевцами и воткинцами, и другими белыми формированиями, образовав тем самым невероятный феномен заграничной России, чаще именуемой в наши дни русским зарубежьем.

Лишенные Отечества, эти люди не только проявили чудеса мужества и явили всему миру силу духа, но невольно оказали значительное влияние на развитие гуманитарных, научно-технических и государственных процессов, явившись их непосредственными участниками и движущей силой.

Замысел данной работы состоит в том, чтобы изложить доступные автору сведения в максимально возможной хронологической манере. Исчерпывающее описание сторон деятельности русских диаспор во всех странах мира представляется нам весьма значительной задачей, отчасти выходящей за рамки замысла книги. В силу чего автор рассматривает основную тему повествования, как исправленный и дополненный труд о месте и исторической роли служилого сословия бывшей империи – военной среды и чиновничества, оказавшего в эмиграции в период между двумя мировыми войнами и во второй половине XX века.

Глава вторая. Галлиполийский и балканский этап военной и политической эмиграции из России

*На лик твой смотрю я как на икону...
Да святится имя твоё, убиенная Русь.
Тэффи*

2.1. Обстоятельства первого исхода населения и армии в условиях поражения Белого движения в Гражданской войне

Чтобы ясно представлять себе обстоятельства исхода из России, необходимо постараться взглянуть на него в контексте уникальной исторической ситуации, сложившейся в Крыму к концу 1920 года. Бесперспективность продолжения вооруженной борьбы на том этапе принудила правительство Юга России приложить все усилия для спасения остатков войск и мирных жителей в условиях, когда смена власти почти гарантировала всем остающимся на территории страны неминуемую гибель. В условиях боевых действий, испытывая нехватку транспортных средств и в отсутствие больших возможностей для переезда крупных войсковых соединений и беженцев, командование Русской армии в лице барона П. Н. Врангеля и адмирала Кедрова подготовило и осуществило массовый вывоз населения из страны, спасая полтора-два миллиона жизней.

Попробуем, основываясь на свидетельствах и воспоминаниях современников, воссоздать картину первого массового исхода русского населения с территории Юга России после поражения армии в ноябре 1920 года.

...Когда суда, наполненные до отказа отступившими войсками Русской армии и невероятным количеством беженцев, вышли в кильватерной колонне в море, среди покидавших на них Отечество людей едва ли нашелся хоть кто-нибудь, чье сердце не дрогнуло бы при виде удалявшихся родных берегов. Неоднократно повторяющийся многими мемуаристами мотив тоски и полной безнадежности в мыслях отплывавших сквозил во всех разговорах и беседах, ведущихся беженцами и военными на уходящих в открытое море кораблях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.